

МАКОНДО

Чтоб покинуть Макондо, найдётся много причин: потерялись зонты, и плащи сносились до дыр. Самых ярких женщин и самых крутых мужчин в этих лужах огромных растворились следы.

А за шиворот льётся небо, принявшее вид
сумасшедшей воды, которая топит всё.
И всё время в груди отрывается и болит,
и всё время поток куда-то мимо несёт.

Уезжать из Макондо — такой новомодный финт,
есть же где-то сухие и тёплые города.
Но под левой ключицей заело какой-то винт,
и застыло сердце — ни туда, ни сюда.

Покидаем Макондо (уже решено) с утра.
Как же осточертел этот дождь, — да с ума сойти!
Мы уедем туда, где кости плавит жара,
и где лучшее всё, разумеется, впереди.

Чтоб покинуть Макондо, найдётся много причин.
Чтобы в нём остаться, причина всего одна:
нет никаких больше женщин, нет никаких мужчин.
Ты один. Ты здесь. Я тоже здесь. Я одна.

СОЛНЕЧНОЕ

Вот считается, что любовь — это сладкий дым.
В крайнем случае, — сладкий яд, и розы на сдачу.
Я не верю в сказки, не верю песням чужим.
У меня — иначе.

У меня любовь — каждодневная боль, еженощный
страх
за своё ослепительное и негасимое солнце,
за рассвет и закат, за усталое небо в глазах.
Ну, а вдруг не вернётся? А что, если вдруг
не вернётся?

День без солнца – он хмурый и серый, в нём мало
тепла.

Жизнь без солнца... Представить её очень сложно.
Что там? – Стены и купол (за ними – смертельная
мгла).

Мир – искусственный рай, где на воле дышать
невозможно.

Мир, как узкий сосуд, где тромбозными
сгустками – сны:

в них плывут облака, в голубые ныряя колодцы.

И всего-то полгода осталось до новой весны.

И твоё негасимое солнце палит и смеётся.

ВЁСЕЛЬНОЕ

Полог неба сер и дыряв насквозь.

Если в лодку сел – знай себе греби.

Пусть любовь пришла, как незваный гость, –
помяни татар, да люби. Люби
вопреки всему. Вопреки судьбе
(за стеной жене / мужу, как стена).

Посмотри в глаза самому себе
и ответь за всё. Красная цена
жизни – пяточок если без неё,
если без него – в омут с головой.

Полог неба сер, и за окоём
месяц сунул рог выщербленный свой.

А весной лёд – ржавая вода.

А весной всё – божия роса.

Лодочка плывёт... а спроси, куда?

Прямо в небеса – Господу в глаза.

ПУСТО

А свято место безбожно пусто,
И окна в небо заколотили,
И что-то ломается с резким хрустом,
Быть может, крылья.
И мёрзнут ноги под одеялом,
И дождь стучит в свои барабаны.
Неужто Богу несчастий мало,
И наши жертвенные бараны
Ему на ужин осточертели,
А мы, просящие, и подавно?
И души тянутся еле-еле,
И Бог их крыжит, сверяясь с Данте,
Круги рисуя брусочком мела
И прикрепляя прощенья пластырь.
И это Господу надоело.
Аминь и баста.

И даже слушать неинтересно,
Местами — стыдно, местами — грустно.
И будним сделал он день день воскресный.
И свято место так пусто...
Пусто.

ФЕВРАЛЬСКОЕ

Знаю, что виновата, какой там базар — вокзал.
По всклокоченной вате безумного февраля
я иду к тебе, чтоб ты мне снова сказал
те слова, от которых небом станет земля.

И сейчас же крылья расправятся за спиной
с шелестением шёлка и запахом грозovým.
Я умру за короткий миг, когда ты со мной
снова сделаешься горячим, твёрдым, живым.

Знаю, что виновата, какой там базар — вокзал.
Невозможно жить с проникающим ножевым.
Ты меня положишь в угол под образа,
ты меня заклеишь фантиком золотым...

А потом, когда февраль уползёт, как зверь,
в тёмный лес за домом медленно умирать, —
я воскресну, накрою стол, постелю кровать
и закрою, закрою в проклятое небо дверь.

БАРОН

Вновь со всех четырёх сторон
Рвут на клочья...
Приходите ко мне, барон,
Этой ночью.
И на ужин жду в шесть часов
Непрерывно.
Двери мы закрём на засов
И Вселенную.
Вновь со всех четырёх сторон
Лгут безжалостно...
Превратите их в крыс, барон,
Ну, пожалуйста.
Ни на йоту и ни на грош
Им не верю я.
Только Ваша святая ложь,
Как материя,
Укрывает стены и пол,
Льётся кружевом.
Я кладу салфетки на стол,
Жду Вас к ужину.
Ощущенье двойного дна.
Небо — в лужицах.
Снова кромка луны видна.

Порох сушится.
И горит голубая кровь
Фейерверками.
Отражения наших снов
Ловит зеркало.
Вся сирень — из трёх лепестков.
Крик ворон.
Жду Вас к ужину в шесть часов,
Мой барон.
Достаю вино и посуду.
Пробил час.
Не старею ни на минуту
Ради Вас.

СТАЛКЕР ВЕРНУЛСЯ

Достала жизнь: болезни, социопаты,
Работа, скука в кино и модное чтиво.
И ангелы научились ругаться матом,
Взлетая в небо стремительно и красиво,
Бросая на мрачной земле скулящие души.
Пускай себе маются, счастья для каждой нету —
Ведь равновесие очень легко нарушить,
Если его раздаривать, как конфеты
В блестящих кулечках на Рождество Христово.
Да и обойдутся без счастья — это не воздух.
Сколько они опасного и пустого
Тащат в себя с удовольствием, прав был Воланд.
Души и не заметили, сидя в блогах.
Им бы счастья, а счастья нигде не купишь.
Трудно с людьми работать, будучи богом:
Вечно воруют, а ты их за это лупишь.

Сталкер вернулся, никто не уйдёт обиженным,
Фантастическое везение, так бывает.
Счастье сначала руку собакой лижет,
А потом, как киллер – быстренько убивает.

РИФМЫ-ПЧЁЛЫ

Рифмы – пчёлы щекочут изнутри, осторожно
жизнь вбирают, как будущий мёд, хоботками.
Я хочу потрогать небо руками.
И тебя. Одинаково невозможно.
Ветер, где-то в Марокко согревший спину,
запах принёс от мандариновой шкурки.
Мы с тобой – божественные придурки,
делим сердца на равные половины.
Кровь – гранатовый сок в голубой глазури:
летний закат Господь наливает в чашку.
Бесы кальян вулкана по кругу курят.
Мы друг друга любим светло и страшно.

КНЯЖЕСКОЕ

Пусть в Вас, мой князь, живёт мой каждый стих,
пусть греют Ваши простыни жар – птицы.
Что может быть страшнее глаз чужих,
которые скребут родные лица
невидимым, но грубым наждаком,
сдирая жадно счастья позолоту.
Стыковка с каждым злобным дураком
в нас чистое откусывает что – то.
Как Вы меня умеете хранить
от многих бед, так и отец не сможет.
И между нами шёлковая нить
в игле под кожей,

и сыплет золотая пыль
сквозь поцелуи,
и кобылица Блока мнёт ковыль,
и девочки Дега танцуют.

ФОРРЕСТ

Вокруг — вранья золотые горы,
И даже молитвы всегда с запинкой...
Конфеты дрянные, ты слышишь, Форрест?
И все, как одна, с дешёвой начинкой.
И каждый устойчивый треугольник
До крови царапает и цепляет.
Но это не страшно тому, кто горечь
Обману обёртки предпочитает,
Кто пилит углы у себя нещадно,
Чтоб никому их не тыкать в спину,
Кто знает, какое же это счастье —
Быть неустойчивым, но любимым.
Меняем схемы, меняем полюс,
Меняем пути, не меняя цели...
А жизнь — пустая коробка, Форрест.
Ещё детьми мы конфеты съели.

ВИСОКОСНЫЙ

Братья — двенадцать месяцев
Не идут, а бегут,
Как мальчишки по лестнице.
Нового года ждут.
Больно у переносицы, —
Лезет любовь на свет.
Или душа возносится,
Или её и нет.
Снова губами выдую
Рифму, как стеклодув.

Словно девки на выданье,
Ветви торчат в саду.
Скользко. Убого. Холодно.
И не спасёт весна.
Вот телеграмма Воланду:
Я за — риф — мо — ва — на.

МЫ ПОДЧЕРКНЁМ

Мы подчеркнём шуршанием одежд
Свой пофигизм обманчиво весёлый,
Неверное спряжение глаголов,
Склонение в винительный падеж.
Мы будем улыбаться, так легко
Запоминая пальцами друг друга,
Немея от внезапного испуга,
Что пули прилетели в «молоко».
И выдохнем, увидев красный след
На беспощадно обнажённой коже.
Быть богом абсолютно невозможно,
Но можно боль переработать в свет —
Как на магнитной ленте отмотать
Всех прошлых несозвучий отклоненья...
Вся наша жизнь — одно стихотворенье,
Которое нельзя перечитать.

ЦЕЛЬСЯ

Ну, хочешь, сжался, а лучше — целься
В меня из тяжёлого арбалета,
Пока ещё сумасшедший Цельсий
На пару суток вернул нам лето.
Пробей из рёбер некрепких клетку
Нагретым ненавистью металлом.
Любви и всего пары суток лета
Мне мало, — ты знаешь, — мне вечно мало!

Терзают и нежность, и страх потери,
Но мы не показываем испуга.
Кто мы в бестиарии бога? – звери,
По памяти ищущие друг друга.
На пару сотен лишних парсеков
Усталый боженька промахнулся –
И мы вновь и вновь выполняем сеты
Из дел ненужных и встреч ненужных.
А лето... лето нам отменили,
И завтра запустят холодный дождик.
Сумей прочесть мои логи или
Возьми и убей меня, если сможешь.

НЕБО СЕВЕРА

Долгие девять жизней (не только эту одну)
жду тебя. Ты приходишь, но не сначала.
Приходишь, когда города мои быстро идут ко дну,
когда от горячих слёз земля просоленной стала.

Когда под моим окном садятся лабать сверчки,
и из нерождённых снов паук плетёт кружева,
ты счастьем, макнутым в мёд, кормишь меня с руки,
и новых моих стихов мне шепчешь слова.

А после... важно одно: как жарко во мне горишь,
как сладко и тяжело течёшь по мне сургучом.
И всё, о чём ты молчишь, и всё, о чём говоришь,
я не расскажу другим. Другие тут ни при чём.

Уйдёшь в предрассветный час, когда, наконец, усну.
И там, где ты без меня, просоленным станет лёд,
и все твои города так быстро пойдут ко дну...
Я вижу во сне весну. Я верю, она придёт.

И я приду вслед за ней, чтобы тебе сказать:
девятая жизнь на исходе. Пора домой.
Сказав, подумаю снова: ох, как же твои глаза
похожи на небо Севера, милый мой...

ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ

Губы сохли. И трепетали
от приснившегося ресницы...
Мы друг друга снова пытали,
продолжая ночами сниться.

Мы друг друга снова хотели
и всё время искали повод,
чтоб одной большой каруселью
становился притихший город.

Мы теряли и находили
через десять лет, через двести...
Мы друга друга всегда любили.
Мы ни разу не спали вместе.

Масло пролито. Всё случится
в этом мире камня и стали.
Мы посмотрим друг другу в лица
и поймём, как же мы устали

видеть сны и не спать ночами —
это одинаково трудно.
Город полон чужой печали,
в нём пустынно и многолюдно.

И на остановке трамвая,
там, где масло течёт по рельсам,
мы, друг друга не узнавая,
вдруг стремительно постареем.

И глаза прикроем, и жадно
воздух будем ловить губами.
Нас оставили без пригляда,
а должны были стукнуть лбами.

Пара ангелов к бочке с квасом
прислонили крылья и спорят:
« — Это счастье — оно же горе.
— Нянек семь, а дитё без глаза.

— Хорошо. Столкнули. А после?
Что хотели? Любовь до гроба? —
— Так узнали друг друга поздно.
Эка невидаль, слава Богу!»

НЕ ПО КИПЛИНГУ

Змеи шепчутся: — «Бы-ыть беде...»

Ветер северный лижет холки.

Верят только своей звезде
все поджарые злые волки.

Их вожак за собой ведёт,
а когда луна прибывает,
волки лапами крошат лёд
и луну из лунок лакают.

Ах, как хочется счастье пить,
но тоска всё щедрее льётся...

— « Промахнись, пора уступить!»

— « Сдал Акела! Он промахнётся!», —
драли глотки трое волчат.

Их шакал уверял: — «Он сдулся,
и его уже не хотят.»

Но Акела не промахнулся.

Да, Акела, власть тяжела.
Не лежится даже в гробу.

А царевна твоя пришла,
и звезда у неё во лбу.